

Консерватизм как фактор мягкой силы России

Часы отечественной истории завершили очередной оборот. Начало формирования Евразийского союза, участие России в урегулировании сирийского конфликта, все более острое противостояние в Совете Безопасности ООН, участие в украинском конфликте и, наконец, возвращение Крыма – все эти недавние и продолжающиеся события прямо и явно свидетельствуют о начавшемся возвращении России на большую сцену исторического процесса.

История советской империи, в целом политически наследовавшей империи Российской, завершилась крахом и болезненным распадом. История новой России началась с провала и безвременья девяностых годов и продолжилась восстановлением в двухтысячных и начале десятых, когда Россия, говоря словами канцлера А.М. Горчакова, «сосредотачивалась» и собиралась с силами. Недавний итог этого сосредоточения совпал с обострением противостояния ведущих мировых держав, усложнением международной обстановки и радикальными переменами, знаменующими завершение «культурной революции» Западного мира. Во всем мире радикальной трансформации подвергается формировавшиеся веками представления о Добре и Зле, базовые понятия и институты общественной жизни. Пересматриваются традиционные представления о семье и воспитании детей¹, о месте морали и религии в функционировании общества, о значении национальной культуры и культурной идентичности, о роли государства.

На фоне культурных изменений, постепенной радикализации и экспансии «новых европейских ценностей», агрессивной тайной и явной (военной) внешней политики США и их европейских союзников по блоку НАТО Россия была объективно поставлена перед выбором: либо отказаться от поддержки своих партнеров, от сохранения влияния во внешнем мире (в том числе на территории бывшего Советского Союза – в ее непосредственной и традиционной сфере влияния), от поисков и утверждения своей национальной и культурной идентичности, либо вновь становиться великой державой (не в смысле патриотического слогана или веры в свое особое призвание – с этим у России проблем не было никогда, – но в том геополитическом смысле, который закрепился за этим понятием со времен Венского конгресса и выхода книги Леопольда Ранке).

¹ Об этом свидетельствует, например, беспрецедентный рост числа детей, рожденных вне брака: с 28,5% в 2001 до почти 40% в 2011 году в среднем по ЕС, причем этот показатель в некоторых странах достигает феноменальных цифр. Так, в Исландии 66,9% детей рождены вне брака. Можно констатировать не ожидаемую, а уже свершившуюся гибель института брака в этой стране (Live births outside marriage (% of live births) Births, where the mother's marital status at the time of birth is other than married. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&plugin=1&language=en&pcode=tps00018>).

Факторы силы великих держав

Но быть великой державой значит не только занимать первые места по тем или иным показателям. Для этого недостаточно внутренней стабильности, экономического роста, выгодных отношений с соседями или больших золотовалютных резервов. Историческое бытие державы возможно только благодаря владению всеми современными инструментами внешней политики. Это означает и наличие хорошо оснащенной, обученной, морально подготовленной армии, и талантливой дипломатии, и неформального контроля над собственной территориальной сферой интересов. Пример других великих держав современности (конца XIX, XX и начала XXI века) показывает, что одним из важнейших является фактор мягкой силы (soft power). Фактор, существовавший всегда, но с момента окончания Второй мировой войны все чаще оказывающийся более эффективным тогда, когда бессильны военная мощь и бесконечные переговоры.

Это введенное в 1990 году Джозефом Наем [1; 5] понятие характеризует способность государства добиваться поставленных результатов без применения прямого или косвенного принуждения или материального поощрения (то есть власть, не обусловленная военной или экономической мощью страны), а посредством помощи добровольных союзников, основанной на привлекательности идей, культуры и образа жизни. В некотором роде, мягкая сила – некий аналог подхода из книги Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», реализованный в рамках международных отношений. Явление, описываемое этим термином, безусловно, существует с незапамятных времен, на протяжении всей истории человечества. Доминирование греческой культуры в Средиземноморье, Pax Romana, христианизация варварских племен и стран, восприятие Европы как «страны святых чудес» (И.В. Киреевский), даже распространение американской музыки по другую сторону железного занавеса и тому подобное – все это примеры использования мягкой силы.

Но само понятие мягкой силы не случайно возникло лишь в прошлом веке. Во второй половине XX века классические войны часто были не очень успешны, куда больше настоящих и «холодных» войн, противостояний было выиграно при помощи мягкой силы. В условиях невозможности прямого глобального столкновения СССР и США, ОВД и НАТО – вся «холодная» война была, в известном смысле, соревнованием в том, кто лучше владеет мягкой силой. Два мира и два образа жизни сошлись в состязании на привлекательность – и капиталистический мир, более удачно использовавший мягкую силу, в итоге вышел из него победителем.

Мягкая сила СССР

В 1920-х и 1930-х годах советское государство привлекло множество западных интеллектуалов (от Г. Дж. Уэллса и Дж. Б. Шоу до Р. Роллана и Л. Фейхтвангера), считавших своим долгом совершить паломничество в страну воплощающейся утопии – и принести весть о ней (чаще апологетическую) своим соотечественникам. Неслучайно в эмигрантском (и изначально достаточно антисоветском) течении евразийства в конце 1920-х годов возник раскол на левое и правое. Левым евразийцам сталинский СССР представлялся началом воплощения их чаяния в такой степени, что даже князь Д.П. Святополк-Мирский, как и некоторые другие левые евразийцы, вернулся на Родину, за что получил прозвище «товарищ князь».

В эти годы мягкая сила СССР опиралась прежде всего на соблазнительность коммунистических идеалов и на романтику впервые воплощаемой в действительности многовековой утопии человечества – на привлекательность ценностей советского общества. В 1930-х годах едва ли не более важным фактором стала привлекательность советской экономической системы на фоне Ве-

ликой депрессии. Роль Советского Союза во Второй мировой войне сделала его одной из двух сверхдержав послевоенного мира, упрочив авторитет и влияние советского строя. Следствиями этого были и маккартистская «охота на ведьм» (репрессии против коммунистов и социалистов в США), и «черный список Голливуда», и иные подобные акции – после окончания войны симпатии к коммунизму, социал-демократии и советскому строю среди деятелей культуры и искусства и даже, в меньшей степени, в политических кругах стран Запада возросли. Во второй половине XX века Советский Союз стал маяком для «социалистического содружества», что вряд ли можно объяснить только военной силой или финансовой поддержкой. Культурные и политические элиты этих стран советского блока получали образование в СССР, приобщаясь к принятому в нем образу жизни, перенося его потом в свои страны. В это же время советская культура (в самом широком смысле этого слова), оформившаяся в своем отличии от российской дореволюционной и современных ей западных, переживала расцвет. Запуск спутника и первый полет человека в космос, другие успехи в науке и технике, советские опера и балет, хоккей и фигурное катание использовались для создания привлекательного образа СССР. Пиком имиджмейкерской деятельности стали Олимпийские игры 1980 года в Москве, которые, даже несмотря на бойкот со стороны многих стран, способствовали повышению культурного влияния СССР. В какой-то мере Олимпиада даже компенсировала репутационный ущерб от ввода войск в Афганистан.

Мягкая сила, вероятно, самый тонкий и сложный в реализации, но в то же время самый надежный и долговечный инструмент внешней политики. Даже сейчас, спустя многие годы после распада СССР, «романтика космоса», «лучший балет» и даже «лучшая водка» остаются значимыми для множества людей во всем мире и куда чаще вызывают ностальгические сожаления, чем идеология или имперская мощь.

Идеологическое, культурное, нравственное противостояние было СССР проиграно. Советская культурная экспансия была заметно шире его территориальной и дипломатической экспансии. Именно по ней хорошо видно, как СССР постепенно уступал своему визави в мягкой силе и проиграл. Рост антисоветских настроений внутри страны, появление и развитие ориентированных на американский образ жизни молодежных субкультур (рок-музыка и т.п.) и культ всего «импортного», развившийся у населения в последние десятилетия существования Советского Союза, наглядно свидетельствовали об успехе американской мягкой силы.

Мягкая сила и самоидентификация

Главным преимуществом и недостатком культурного и экономического превосходства как факторов мягкой силы является их обособленное и объективное, а не «рекламное» существование. Конечно, в убежденности в том, что «все немецкое – самое качественное», а «Япония – самая технологическая страна в мире», есть немалая доля мифа, но миф – вовсе не синоним лжи, и этот миф не был бы убедительным без действительной надежности и качества большинства немецких товаров и реальной инновационности и высокой технологичности японской экономики. То есть для экономической, социальной или научной привлекательности не требуется какой-то специфической работы – «только» действительно развивать науку, экономику и социальную сферу и не забывать держать в курсе этих успехов своих граждан и население других стран. И с тем, и с другим в нашей недавней истории наблюдался частичный провал, но сейчас достигнуты определенные успехи. Наиболее свежим и ярким примером является Олимпиада в Сочи, которая не только вскрыла недостатки, но и продемонстрировала вопреки необъективной иронии западных и некоторых российских СМИ

и хорошие спортивные показатели, и экономические возможности преобразования южного курорта в столицу зимних Олимпийских игр с самой современной и развитой инфраструктурой и не без архитектурного вкуса.

Другое дело «идеологический» фактор мягкой силы, который не существует самостоятельно и должен создаваться и поддерживаться. Речь тут не идет именно об идеологии (установление которой на государственном уровне прямо запрещено статьей 13 Конституции Российской Федерации, и само понятие которой может вызывать негативные исторические ассоциации). «Идеологическим» фактором могут служить и общие культурные и идейные веяния, и даже оттенки их интерпретации (как это, отчасти, было, например, с идеологией «суверенной демократии», лишь уточнявшей российское понимание демократии, но ни в коей мере не создававшей новую социально-политическую теорию), тенденции, ценности и общие основы государственной политики. Так, «идейной» основой мягкой силы США является сегодня концепт прав и свобод человека в своеобразной североамериканской интерпретации, основанной на Декларации независимости и Конституции США и поправках к ней. США стремятся позиционировать себя как «страну свободы», единственный оплот подлинной демократии и своеобразно понятой справедливости – равных возможностей для всех. Эта необязательная (в том смысле, что ее позволительно не разделять без юридических санкций) идеология служит как средством консолидации общественного мнения и формирования американской нации как единого целого, так и причиной и оправданием внешней политики США, зачастую весьма агрессивной. «Идеология» единой Европы описывается примерно в тех же выражениях, но с иными акцентами: это еще и мир социальной ответственности человека перед обществом, сегодня дополненный проповедью мультикультурализма и максимальной толерантности.

Современная Россия, стремящаяся постепенно восстановить свое положение на международной арене, хотя и является правопреемником Российской империи и Советского Союза, тем не менее совсем иное государство и имеет весьма косвенное отношение к прежним идеологиям и идейным веяниям. Восточный Союз с центром в захваченном Царьграде, волновавший души панславистов и Константина Леонтьева, или всемирный красный интернационал и мечта о будущем коммунистическом рае не могут всерьез рассматриваться как возможная база для объединения дружественных сил вокруг России. Хотя и панславистская, и восточно-христианская, и левая самоидентификация вполне могут и должны использоваться Россией, они не в состоянии определять вектор ее внешней политики.

Но нельзя и продолжать ограничиваться отрицательной позицией – и строить свой образ для внешнего мира исключительно на сохранении и защите status quo, многополярности и международного права. Мантия справедливого арбитра и мудрого судьи – если в достаточной честности и последовательности удастся убедить мир – прибавляет авторитета и веса, но не делает привлекательным. Можно и нужно также разрушать мифы о себе. Но для нового статуса России требуется еще и какое-то позитивное содержание. Чтобы вновь стать одной из исторических держав, мы должны предложить миру что-то свое – особенное и привлекательное. Это содержание должно отвечать трем критериям – должно быть нечто:

а) объективно являющееся позитивной ценностью, способное вдохновлять и достойное уважения – иначе оно вызовет лишь усмешку;

б) имеющее известное число приверженцев за границами России и разделяемое людьми более чем одной страны, национальности и культурной принадлежности – поэтому идеи национального и религиозного служения, а также поклонение собственной истории (значимые для культурных и политических

связей на постсоветском пространстве) непригодны в качестве основы мягкой силы России в масштабах мира;

в) действительно присутствующее в нашей природе, соответствующее национальной традиции, прямо вытекающее из истории и духа страны, органически произрастающее на народной почве – иначе идейное влияние и лидерство не будут ни убедительными, ни полезными.

В каком-то смысле поиск основы для мягкой силы и образа России в мире связан с темой поиска «национальной идеи», «русской идеи», вновь взбудоражившей умы отечественных интеллектуалов в последние десятилетия. При всех различиях этих понятий (национальная идея – это нечто «внутреннее», «настоящее», «для себя» – то, как сам народ видит свое место в мировой истории, или даже, как это афористично сформулировал Владимир Соловьев, «что Бог думает о нем в вечности»; образ в мире – скорее имидж, пиар-концепция, самопрезентация, скорее «роль», чем «личность») – они тесно связаны и не могут рассматриваться полностью в отрыве друг от друга. Роль и имидж отнюдь не должны отождествляться с ложью и притворством – ни человек, ни страна не могут последовательно, день за днем и год за годом убедительно притворяться чем-то принципиально иным, так чтобы не стала заметна фальшь. Так что «национальная идея» и образ страны в мире – две стороны одной медали, как интерьер и экстерьер дома, которые не могут быть разностильными.

Консерватизм как основа мягкой силы России

Идеальной «идейной» основой России и ее мягкой силы может стать и уже становится консерватизм, новый и в то же время творчески реконструирующий существовавшую консервативную традицию. Консерватизм станет наиболее естественным, если не единственно возможным ответом на вызовы времени. Происходящие в западном и мировом сообществе радикальные и разрушительные изменения не могут не вызывать ответной реакции. Слово это, если используется не в ругательном контексте («реакционные настроения», «реакционная политика»), означает вполне естественное для общества как органического целого явление: живой организм, если он еще жив и не утратил инстинкта самосохранения, не может не реагировать на резкие, потенциально вредные или опасные изменения окружающей среды. Такой реакцией, ответом на вызовы времени и выступает консерватизм как настроение общества, стиль мышления интеллектуалов или государственная идеология.

Консерватизм – это всегда порождение естественного желания защитить то, что дорого и важно (в обществе, в семье, в политике, в обыденной жизни) от разрушения. В каком-то смысле, как это считает, например, американский политолог Харви Мэнсфилд [4], консерватизм (применительно к американской разновидности) приходится братом-близнецом либерализму, рожденным одновременно с ним не столько для того, чтобы предложить ему альтернативу, сколько для того, чтобы удержать от ошибок – его стратегия не «идти назад», а просто «идти медленно» и осмотрительно. В любом случае вопреки распространенному мнению консерватизм обычно выступает именно как «идейное течение, настаивающее на постепенности изменения общества с учетом устоявшихся, оправдавших себя во времени органических коллективных ценностей и традиций» [3], а не как простое стремление сохранить status quo, оставить все как есть, или же вернуть прошлое.

Консерватизм как инвариант отечественной истории

Часто отмечаемой особенностью современной российской политической системы является «спутанность» ее политического спектра в сравнении с таковым в западных странах. Коммунисты, традиционно левая сила, куда чаще вы-

ступают у нас в качестве правых «охранителей», либерально-демократические силы – классические правые – как лагерь почти революционный, радикально-левый. Как неоднократно отмечалось, деление на левых и правых – вообще не очень адекватно для России. Причиной этому, естественно, является, наличие двух исторических периодов и двух «ядер» отечественной истории, каждое из которых в той или иной мере унаследовано современным российским государством. Это хорошо видно уже по современной государственной символике: сочетание имперского царского орла, народно-национального и в то же время белогвардейского триколора и узнаваемого во всем мире советского по происхождению гимна (в котором кому-то так и хочется подпеть «партия Ленина, мудрость народная» – или даже «партия Ленина, партия Сталина») – это сочетание суть сознательное решение по примирению эпох и основ, без которого вряд ли был бы возможен настоящий гражданский мир, слишком многое связано и с тем и с другим истоками, сливающимися свои воды в современном течении истории России. Истоки эти по определению разноприродны, а их приверженцы, стремящиеся вновь сделать то или иное начало единственным знаменем современной России, то и дело схватывались на протяжении последних десятилетий, обрекая силы национального духа на бесполезную растрату.

Однако, несмотря на очевидное несходство царского и советского периодов отечественной истории, не раз обращалось внимание на сознательное и бессознательное повторение многих аспектов государственного и национального строительства, дававшего основание подозревать обе страны в том, что они были вовсе не тем, чем казались. Не случайно славянофилы и почвенники находили противоестественными и неудачными попытки подражания Европе и усматривали в России особую цивилизационную сущность¹, а ранние евразийцы увидели в революции почти заслуженную историческую кару Российской империи за ее «европейничанье» и новый шанс на восстановление подлинной природы России не путем контрреволюционной интервенции, а через постепенное изживание коммунизма изнутри. Российские социалисты от Герцена до народников искали основания будущего строя в традиционной для России крестьянской общине. Историк и философ Ю.И. Семенов еще в советское время – вопреки официальной версии марксизма-ленинизма – считал советский строй «неополитаризмом», разновидностью той же общественно-экономической формации, что и, скажем, Древний Египет или Русь времен Иоанна Грозного [2].

Едва став частью общеевропейского исторического процесса (после безвременья Смуты), Россия почти сразу, по меткому выражению С.А. Маркова, позиционировала себя в качестве «консервативного фланга Европы». Советская власть, казалось бы, раз и навсегда покончила и с монархией, и с поддержкой господствующей религии, радикально избавившись от дворянского сословия и других «наследий» и «пережитков». Но, обращаясь к советской истории, сложно не заметить фактического «консервативного переворота», осуществленного Сталиным в 1940-х (вплоть до символического возвращения офицерских званий, начала элементов сотрудничества с Русской православной церковью, съемки «исторического» кино про царей и князей). Это был, конечно же, совсем другой консерватизм, не тождественный дореволюционному и даже не очень похожий на него, но он содержал в себе многие из прежних элементов: «госу-

¹ К.Н. Леонтьев и вовсе мечтал о том, «что славянский православный царь возьмет когда-нибудь в руки социалистическое движение (так, как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной» (Письмо К.А. Губастову от 17 августа 1889 г. // Константин Леонтьев. Избранные письма (1854–1891). СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 473).

дарственничество», культ военной службы, охранение традиционных семейных и нравственных (бытовых) ценностей и общественной морали. Изнутри революционной утопии родилась и постепенно выросла новая «красная империя», с собственной консервативной традицией.

Оказавшись естественным врагом западного либерального мира, СССР противостоял ему не только политически. Советская культура *de facto* превратилась в главного антагониста нарождающегося общества массового потребления, авангарда и постмодернизма в искусстве, так называемой сексуальной революции и падения нравов, характерного для второй половины XX века. То есть, не считая первых лет послереволюционных экспериментов, встало на защиту, пусть иногда и комическую, традиционных ценностей, в том числе в области семьи и пола, нравственности и искусства.

Таким образом, в России фактически сложились даже не одна, а две консервативные традиции. Более того, при всех режимах и формах правления Россия так или иначе тяготела именно к консервативной позиции, которая была для нее органичной и естественной.

Привлекательность консерватизма в мире

В отличие от традиционных «двух сил», либерализма и социализма, самые различные формы которых имеют несомненные родовые признаки и сходства, претендующий на роль «третьей силы» консерватизм объединяет великое множество самых различных учений, зачастую согласных друг с другом только в самых общих формулировках. К консерватизму относят и умеренную литературную и общественную критику Н.Н. Страхова, и идеи «консервативной революции» Эрнста Юнгера, и американских «неоконов», и в какой-то мере идеологию иранской «исламской революции» – а также бесчисленные «либеральные консерватизмы», «социал-консерватизмы», «национал-консерватизмы» и т.п. По меткому слову Константина Леонтьева, «охранение у каждой нации свое: у турка – турецкое, у англичанина – английское, у русского – русское». Объединяет же их прежде всего признание наличия фундаментальных ценностей и необходимости их защиты.

Консерватизм был и остается одной из влиятельных сил на современном Западе, в лице которого Россия способна обнаруживать достаточно неожиданных союзников своего консервативного поворота. Так, несмотря на то, что многие из консервативных политических мер, предпринятых российской властью за последние полтора года, вызвали предсказуемо негативную реакцию и ряд демаршей в странах Запада, – у многих там они встретили и симпатию. Например, неожиданная моральная поддержка в связи с ограничениями на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений была оказана российским законодателям американскими республиканцами – и была достаточно активной, чтобы создать панические настроения в рядах ЛГБТ-сообщества, выразившиеся в 2013 году в докладе “Globalizing Homophobia”¹.

Столь же однозначно и куда более очевидно совпадение принятых законов с этическими позициями православной, католической и (традиционалистской части) англиканской церквей, то есть, по сути, с общехристианской системой ценностей. Например, представители всех этих церквей так или иначе осудили акцию “Pussy Riot” и приветствовали многие из принятых законов с этической точки зрения. Правда, существуют основания полагать, что в Римско-католической церкви постепенно усиливаются конформистские тенденции в отношении новых ценностных реалий, а от намеченного на октябрь

¹ На сайте “Right Wing Watch”. URL: <http://www.rightwingwatch.org/category/topics/globalizing-homophobia>

2014 года внеочередного синода РКЦ, посвященного теме семьи, некоторые эксперты ожидают существенного «обмирщения» католической доктрины и революционного компромисса с доминирующими «новоевропейскими ценностями». Однако, что бы ни случилось в будущем, на текущий момент Ватикан и его этическая доктрина остаются, пожалуй, самым твердым бастионом традиционных европейских ценностей в стремительно меняющейся Европе.

Но главным союзником нового курса России в этом отношении стало само население (и даже гражданское общество) стран Запада, часто так же не принимающее переоценку ценностей, как и граждане России. Показательно в этом отношении активное неприятие легализации однополых браков французским обществом, основанное не только на религиозных представлениях, но и на светском возмущении ревизией основоположений Гражданского кодекса, идущих еще от Наполеона. Эта ревизия вызвала к жизни не только массовые гражданские протесты, появление и укрепление организаций, борющихся за сохранение традиционных семейных ценностей, но и всплеск симпатий к России. Не менее сильная оппозиция новым тенденциям существует и в США (примером чего могут служить деятельность Национальной организации поддержки брака и скандал вокруг нового фильма «Игра Эндера» по книге Орсона Скотта Карда, который ЛГБТ-сообщество призывает бойкотировать за консервативные взгляды писателя). Фактически, консервативная позиция нашей страны приобрела для нее сотни тысяч сторонников из числа «простых людей» на Западе.

Таким образом, в условиях культурного кризиса и решающего штурма последних бастионов традиционных ценностей их защитники становятся друзьями и симпатизантами России.

Апология консерватизма

В зависимости от того, в каком контексте и с какой интонацией звучит слово «консерватизм», в него могут вкладываться различные смыслы.

В негативном контексте речь часто идет о фундаментальном или косном консерватизме, который в качестве высших ценностей, подлежащих защите, рассматривает существующие или прежние формы. Поэтому его можно назвать также формальным консерватизмом, или традиционализмом. В современном мире это, например, консерватизм монархических групп и партий, сторонников восстановления сословных границ. Для современных фундаментальных консерваторов в России характерна идеализация ее дореволюционной истории и «старых порядков», понимание советского периода как своего рода «провала», не имеющего никакой ценности. Подобное настроение, естественное, например, для послереволюционной волны «белой» эмиграции, является сегодня анахронизмом и выглядит не намного привлекательнее идеи восстановления в России крепостного права или возвращения к рабству в США (в которых, впрочем, тоже существует круг поклонников Конфедерации).

Особенностью российского (и, в целом, постсоветского) политического поля является существование в нем не только «правых», имперских, но и «левых» консерваторов, точно так же идеализирующих уже советские порядки и «формы» государства и общества и жаждущих их восстановления. Именно к такому консерватизму может быть применено определение из Большой советской энциклопедии – «приверженность ко всему устаревшему, отжившему, косному; враждебность и противодействие прогрессу, всему новому, передовому в общественной жизни...».

Наряду с консерватизмом формальным и косным всегда существовал прогрессивный (содержательный) консерватизм. За многообразием привычных внешних форм, которые объективно подвержены трансформациям и необходимо сменяют одна другую, прогрессивный консерватизм видит их неизмен-

ное содержание, не зависящее от «духа времени». Именно защита содержания, а не его проявлений в конкретную эпоху, оказывается главной задачей. Прогрессивный консерватизм признает необходимость изменений политической и экономической системы, возможность разных подходов в этих вопросах, но призывает отличать их от фундаментальных принципов и основ, конституирующих данное общество или человечество как таковое. Афористически установку прогрессивного консерватизма можно передать словами из «Молитвы о спокойствии» Рейнольда Нибура: «Господи, дай мне терпение принять то, что я не в силах изменить, Дай мне силы изменить то, что возможно, И дай мне мудрость научиться отличать первое от второго».

Очень точно охарактеризовал суть прогрессивного консерватизма Н.А. Бердяев: «Консервативное начало само по себе не противоположно развитию, оно только требует, чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать. Несчастлива судьба той страны, в которой нет здорового консерватизма, заложенного в самом народе, нет верности, нет связи с предками. Несчастлив удел народа, который не любит своей истории и хочет начать ее сначала». Ему «вторил» главный редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков: «Чуткий, понимающий себя консерватизм, не враг прогресса, нововведений и реформ; напротив, он сам вызывает их в интересе своего дела, в интересе хранения, в пользу тех начал, которых существование для него дорого; но он с инстинктивной заботливостью следит за процессом переработки, опасаясь, чтобы в ней не утратилось чего-либо существенного. Истинно-охранительное направление, в сущности, действует заодно с истинно-прогрессивным». И еще: «Консерватизм есть живая, великая сила, когда он чувствуется в глубоких корнях жизни, а не в поверхностных явлениях, когда он относится к существованию зиждительных начал человеческой жизни, а не к формам, в которых они являются. Формы дороги для него только в той мере, в какой еще чувствуется в них жизненное присутствие начала; они дороги для него, пока с ними тесно связано существование живущего в них начала».

В истории России, наряду с косным формальным консерватизмом отдельных групп, вызванных обычно резкими историческими переломами, наряду с эгоистическим консерватизмом, защищающим исторические интересы отдельных сословий и классов, а также консерватизмом официальным, представленным «теорией официальной народности», – всегда существовала интеллектуальная традиция консерватизма творческого. В самом широком смысле к ней можно отнести и славянофильство, и почвенничество, и классическое евразийство, и образовательную систему Д.А. Толстого, и реформаторскую деятельность П.А. Столыпина. И если славянофилов можно рассматривать как представителей либерального консерватизма, то образ мысли Герцена – это своего рода консервативный социализм. В русле этой интеллектуальной традиции творил не только Бердяев, но и Пушкин, и Достоевский. Образ русской культуры как созданной либеральной интеллигенцией, находившейся под тяжелым прессом царской цензуры, а после – советской идеологии, мягко говоря, не выдерживает никакой критики. Лучшие плоды русской и советской культуры вполне органично произрастали на русской почве. И даже если их творцы в каком-то периоде своей деятельности (как правило, по молодости) сильно увлекались левыми или либеральными идеями, к зрелости они, как правило, приходили достаточно консервативно настроенными.

Консервативное видение фундаментальных ценностей

Если мягкая сила США опирается на идеологию ничем не ограниченных прав человека, максимальное распространение связанных с которыми институтов является движущей силой, задачей, оправданием и, вместе с тем, ресур-

сом внешней политики США, то основой мягкой силы России могла бы стать защита (прежде всего) и распространение (мягко и опосредованно) традиционных ценностей.

В основе классической российской и в целом европейской культуры лежит признание традиционных идентичностей и различий между ними. Прогрессивный консерватизм предполагает признание непреходящего значения этих различий и институтов, необходимость их поддержки и сохранения вопреки современным альтернативным подходам. Основными европейскими ценностными константами являются:

– *различия мужчины и женщины*, их социальных ролей, особенности взаимных отношений (не предполагающие качественного или юридического неравенства); здесь консерватизм противостоит феминизму, настаивающему на «одинаковости» мужчины и женщины, порочности всех исторически существовавших различий (якобы искусственно созданных в рамках угнетения женщин мужчинами) и необходимости их упразднения;

– *традиционный институт моногамной семьи*, которому противостоят современные тенденции распространения «фактических» браков, легализация так называемых однополых браков, признание гомосексуализма вариантом нормы половых отношений и т.п.;

– *традиционные религиозные ценности* – в противовес секулярному сознанию; европейский образ мысли, этика, философия, наука, искусство и даже социальные институты формировались под постоянным влиянием христианской религии, которая пронизывала все сферы общественной жизни;

– *традиционная мораль*, исторически произошедшая от христианской морали, но в большинстве случаев разделяемая и людьми, исповедующими другие религии или религиозно индифферентными; для традиционной морали характерны простые, однозначные ответы на вопросы биоэтики и сексуальной революции;

– *национальная идентичность, история и культурная традиция*;

– *государство* как необходимый институт – не только «ночной сторож» экономики, но политическое выражение единства нации и культуры;

– *патриотизм как образ мысли*.

В современных западных странах наблюдается постепенный отказ от всех этих постулатов в пользу новых понятий, стоящих выше в новой иерархии ценностей, – прав человека, мультикультурализма и транснациональных структур и институтов.

Несмотря на признание значения национального начала и национальной культуры, а также оправдание патриотизма, консерватизм не тождествен шовинизму, национализму или любой другой идеологии превосходства. Напротив, в силу своего исторического реализма консерватизм а priori склонен допускать существование иных вариантов, но не может признать их равноценными для оберегаемой им культуры.

Задачи консерватизма как фактора мягкой силы России в XXI веке

Перед консерватизмом как фактором мягкой силы России могут быть поставлены четыре основные задачи.

Первая, легитимистская. Консолидировать общественное мнение вокруг темы защиты и сохранения основ общественного, культурного устройства – и тем самым легитимизировать проводимую внешнюю и внутреннюю политику. Единодушно поддерживаемые большинством граждан политические акты, как это имело место, например, в ситуации с возвращением в состав России Крыма, почти не встречают сопротивления, вызывают патриотический подъем. В условиях, когда, в соответствии не только с Конституцией, но и с общепризнанными

основоположениями современного мироустройства, единственным источником всякой власти является воля народа – всеобщая поддержка внутри страны является необходимым фундаментом внешней политики великой державы.

Вторая, оборонительная. Опыт «оранжевых революций», «арабской весны» и события на Украине продемонстрировали применение политических технологий, направленных на разрушение политической системы других государств изнутри при помощи мягкой силы. Страна, не имеющая своей мягкой силы, своего позитивного образа, своей сети НКО, продвигающих ее общественные идеалы не только вовне, но и внутри страны, – почти безоружна перед чужим влиянием. Мягкая сила информационного агрессора подразумевает слабость объекта воздействия, его неспособность к сопротивлению, которое может оказываться только мягкой силой. Перефразировав известное изречение, можно сказать: страна, которая не хочет или не может нести в мир и защищать свои идеи и ценности, будет вынуждена принудительно принять чужие.

Первая и вторая задачи уже достаточно успешно решаются в России в рамках «консервативного поворота».

Третья, завоевание народных симпатий за рубежом. Важнейшей задачей мягкой силы на международной арене является формирование позитивного образа страны и проводимой ею политики у населения других государств. В современном демократическом мире никто не хочет бороться с тем, кому симпатизирует его собственное население. Если Россия сможет обеспечить себе место безоговорочного лидера мирового консерватизма и мирового центра консервативного общественного мнения (и даже стать центром своего рода консервативного интернационала) – политики всех стран мира, опирающиеся на консервативно настроенный электорат, будут ограничены в возможностях противодействия ее внешней политике и, напротив, мотивированы к сотрудничеству с Россией.

Четвертая, завоевание симпатий элит. Помимо населения, симпатии которого могут привлекаться и громкими заявлениями, и разъяснением и популяризацией политических решений, и даже простым продвижением отечественного искусства и культуры, мягкая сила стран призвана убедить (не только сделать выгодным вслух согласиться, а действительно убедить) элиты других стран. Это может осуществляться посредством образовательных программ и обучения иностранных студентов, организации значимых научных проектов, прежде всего в гуманитарных науках, а также создания и поддержки сети некоммерческих организаций, объединяющих сторонников тех же ценностей, готовых прилагать усилия к их распространению.

По словам Дж. Ная, «идеалы и ценности, „экспортируемые“ Америкой в умы более полумиллиона иностранных студентов, которые каждый год обучаются в американских университетах, а затем возвращаются в свои родные страны, или в сознание азиатских предпринимателей, которые возвращаются домой после стажировки или работы в Силиконовой долине, направлены на то, чтобы „добраться“ до властных элит»; в итоге это «позволяет сформировать определенное мировоззрение у иностранных гостей, отражающее ценностные ориентации самого принимающего государства и позволяющее рассчитывать на благоприятное отношение к стране пребывания с их стороны в будущем».

В отличие от идей либерализма, консервативные ценности, взятые сами по себе, куда практичнее и удобнее для мировых элит – что делает их потенциально более привлекательными. В некотором смысле, элита любой страны, пребывающая у вершин сколь бы то ни было продолжительное время, по определению консервативна – и потенциально восприимчива к распространению соответствующих идей.

Таким образом, консерватизм является единственным мировоззрением, которое может быть положено в основу мягкой силы России на международной арене – и едва ли не единственным ответом в наших вековечных поисках «национальной идеи» – ответом, к которому мы не раз уже приходили. Консервативный поворот уже состоялся. Следующий шаг – сделать его последовательно проводимым в жизнь образом России и фундаментом ее мягкой силы.

Но нельзя забывать, что мягкая сила при отсутствии жесткой – фантом, мираж. Только при наличии мощной армии и развитой экономики страна способна продвигать свое влияние на международной арене.

Литература

1. *Най Дж.* Гибкая сила: Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006. 397 с.
2. *Семенов Ю.И.* Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М.: Волшебный ключ, 2008. 401 с.
3. *Философия: Энциклопедический словарь/ Под ред. А.А. Ивина.* М.: Гардарики, 2004.
4. *Mansfield, Harvey C.* The Future of Conservatism: An Argument for a Constitutional Conservatism. URL: <http://www.heritage.org/research/lecture/the-future-of-conservatism-an-argument-for-a-constitutional-conservatism>
5. *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004.

М.М. Федорова. Коль скоро наша секция посвящена пониманию консерватизма как категории, у меня возникли такие размышления по поводу доклада Олега Константиновича [Авдеева. – *Ред.*] о роли и характере консерватизма. Сегодня неоднократно звучало, что консерватизм – это реактивная идеология. Скажите, пожалуйста, если бы консерватизм был только реактивной идеологией, ну, или категорией, мировоззрением, каким образом он смог бы на протяжении как минимум двух столетий удерживать свою притягательность, свою силу, свою значимость?

По моему глубокому убеждению, консерватизм не был реактивной идеологией, консерватизм обладал собственной значимостью, собственной консистенцией, если можно так сказать, и Великая французская революция (которую здесь называли как некий рубеж, после которого консерватизм набирает силу) являлась только катализатором для развития тех идей, которые вызревали достаточно долго и достаточно плодотворно в рамках того, что можно назвать Просвещением, то есть мировоззрением XVIII века. Консерватизм был иным ответом на те вызовы, которые были сформулированы, вызрели в недрах западноевропейского общества в ходе тех изменений, которые произошли на исторической арене в XVII и XVIII веках наряду с либеральной идеологией. Это был иной ответ, он не был реакцией. Конечно, события французской революции активизировали определенные силы, которые взяли эти идеи на вооружение. Если бы консерватизм был только реактивной идеологией, он не обладал бы самостоятельным набором идей. Очень часто говорят: да что там какой-то консерватизм, консерватизм – это реакция, это реакция на либерализм, отрицание рынка, это иерархия и так далее. На мой взгляд, две главные идеи, две базовые консервативные ценности – это, во-первых, идея богатства человеческой природы во всем ее многообразии, в отличие, скажем, от идеи абстрактного индивида, абстрактного индивидуализма, которая сформулирована в рамках идеологии Просвещения. Две совершенно разные базовые идеи, каждая из которых имела свои положительные и отрицательные стороны. Принцип абстрактного индивидуализма позволил

сформулировать идею прав человека, в рамках которой мы все сегодня живем и отрицать значение которой совершенно бессмысленно, идею свободы человека. А консерватизм выдвинул идею уникальности человеческого бытия, уникальности индивидуального человеческого опыта и идею истории, в которую это человеческое бытие погружено, идею уникальности исторического опыта. Могу сослаться на немецкое Просвещение, Гербера, Мезера.

Эти две базовые идеи впоследствии получили определенную идеологическую обработку. И вместе с тем это идеи, которые составляют ценность консерватизма. Отсюда то, о чем я не договорила в связи с выступлением Алексея Павловича [Козырева. – *Ред.*], – идея человеческой свободы, как она была сформулирована в рамках консерватизма. И здесь – антиномия свободы и порядка, типичная для консервативных конструкций XIX века. Вновь подчеркну: я категорически против, чтобы консерватизм называли реактивной идеологией.

В.А. Никонов. Позволю себе несколько замечаний. У нас привычный взгляд на мир и на международные отношения – это взгляд через призму Россия – Запад. Но возможен и совершенно иной ракурс. На Востоке все то, что вы сказали, выглядит гораздо более выпукло. Там эти идеи не называют консервативными, эти идеи традиционализма в традиционных обществах представлены гораздо сильнее, чем на Западе. Особенно интересные события сейчас происходят в Индии, где будущий глава правительства находится в санкционном списке США. Индусы за последний год сделали две такие вещи: во-первых, они под вопли мировой общественности восстановили действие британского закона 1868 года о том, что гомосексуализм – это уголовное преступление; во-вторых, запретили у себя деятельность иностранных агентов, просто запретили. Никаких НПО, финансируемых из-за рубежа. Впрочем, с «Русским миром» все в порядке. Так что там идеи консерватизма воспринимаются хорошо. Резонируют в иудаизме, и в исламе, и в буддизме, и в католицизме. В Латинской Америке тоже резонанс очень хороший, там тоже очень

консервативное общество. Если вы посмотрите на один из основных инструментов нашей мягкой силы – телеканал “Russia Today”, – он имеет оглушительный успех и в арабском мире, и у испаноязычной аудитории. Там совершенно фантастические рейтинги. В этих регионах иное восприятие Советского Союза. Во многие места приезжаешь, и там тебя спрашивают, а где же вы, где вы сейчас? Мы привыкли, что вы есть. Это можно услышать и в Египте, и в Иордании, где угодно. Там Советский Союз не воспринимался как империя зла. Во многих странах крушение СССР было воспринято как геополитическая катастрофа, потому что исчез противовес. Конечно, американцы являются мощнейшей страной, с мощнейшими инструментами мягкой силы. Но одновременно мало какая страна имеет столь мощный негативный имидж и воспринимается как главная угроза миру. Так что возможность создания альянса ценностей очевидна. Прежде всего на базе стихийного антиамериканизма, который зачастую прикрывается формулой многополярности, многополярного мира. Все устали от однополярного доминирования американцев. Кроме того, объединяющим

фактором является примат международного права, которое Запад постоянно попирает. Это тоже консервативная идея. Еще одним фактором является насаждаемые из США разнообразные «революции». И, наконец, помощь развитию.

В США идея консерватизма особенно резонирует в так называемых красных штатах. Нередко американские журналисты, беря интервью, задают вопрос: а вы не боитесь, что Путин стал уже совсем как республиканец. Для большинства американских СМИ «республиканец» – это ругательство. И Крым многих напугал, хотя это не вполне консервативная акция. Но, с другой стороны, почему европейские правые это проглотили? Потому что это высшее выражение идей национализма, национальных интересов, исторической справедливости. Объединение нации – это консервативная идея.

Н.В. Злобин. У глобального консерватизма есть запрос на лидера, и Россия к этому подготовлена.

В.А. Никонов. Может быть. Этого исключать нельзя. Запрос на что-то такое существует.

